

Игорь
СИЛАНТЬЕВ

ЭКЛОГИ

Игорь Витальевич Силантьев

Эклоги

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24613663
Силантьев И. В. Эклоги: Алтейя; Санкт-петербург; 2017
ISBN 978-5-906910-16-5*

Аннотация

В книге филолога и поэта Игоря Силантьева древний жанр эклоги становится фактом современного поэтического сознания с неминуемыми для нашего времени внутренней конфликтностью и драматизмом экзистенциального выбора.

Содержание

Начало владычно над всем последующим	6
Зима	14
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Игорь Силантьев

Эклоги

© И. В. Силантьев, 2017

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2017

* * *

Начало владычно над всем последующим

*Что однажды блеснуло в чернилах, То навеки
осталось в крови.
Александр Кушнер*

Книга, предлагаемая читателю Игорем Силантьевым, безусловно, нуждается в предисловии. Хотя бы потому, что эклога – древний жанр эллинской буколической поэзии, о котором не филолог, имеет, вероятно, зыбкие представления. Сужу об этом по придирчивому вопросу поэта к себе: «Знаете, что такое эклога?», – спросил он меня прежде, чем договориться о предисловии. Кстати, обращение к полузабытой форме радикально отличает эту книгу от первого сборника стихов нашего автора, который назывался полемическим утверждением, по крайней мере, для российского обывателя: «Жизнь легка». Мне понравилась задиристость названия, и я, никогда ранее не читавший стихов Силантьева, слывшего кабинетным литературоведом, принялся с любопытством и с предвзятым снисхождением читать сборник. Но снисхождение скоро рассеялось. В сборнике ощущалось присутствие личности, и с первого стихотворения книга удивляла своими медитациями, лишенными жанровой определенности, неожиданным художественным пространством; в отли-

чие от трехмерного оно имеет четвертое измерение, алогичное по отношению к трем первым, и это дает возможность вместе с автором увидеть мир совершенно в иной смысловой перспективе. Здесь действует прием «остранения», давно сформулированный В. Б. Шкловским. В процессе чтения начинаешь соглашаться с автором, что жизнь, действительно, легка, если удастся за счет своей лихости и глубокомыслия достичь такого уровня бытия, где современный быт, присутствуя в каждом размышлении, тем не менее не «пудрит» тебе мозги. В книгу «Эклоги» он тоже инкорпорирован, скорее, имплантирован, но в соответствии с законами жанра выступает одним из элементов бинарной оппозиции «otium – negotium», что в переводе на язык родных осин означает «досуг – практическая деятельность». Честь первого художественного осмысления этой контраверсы принадлежит древнегреческому поэту III в. до н. э. Феокриту, который своих эклогах воспевал пастушескую жизнь. Словно изъятые из полисных связей, из круга привычных гражданских обязанностей, «пастухи» воплощают идеал частной жизни, потому что здесь торжествуют любовь, поэзия и возникает идиллия, напоминающая о «золотом веке». Подобная пастораль возникает и в буколических стихах еще одного известного автора эклог римлянина Публия Вергилия Марона, но в них поэтическая идея «золотого века» осложнена представлением о мировом круге, в котором один период жизни сменяется другим, потому что каждый из них находится под покро-

вительством определенного божества. В эклогах Силантьева знаковую функцию семантических периодов круговратности выполняют времена года. Осложняется и выбор художественного пространства. Невозможность пасторали как этоса в век Вергилия оправдывается в его эклогах географическим смещением: действие происходит в Аркадии, одной из захолустных областей материковой Греции, в воображении поэта ставшей родиной буколической поэзии и парареальным топосом для аркадских пастухов. Мифопоэтическая Аркадия становится катарсисом для Психеи поэта, но историческое сознание отзывается в его эклогах меланхолией, которая как будто непроизвольно осеняет пастушеские стихи.

Эти особенности вергилиевой эклоги несомненно сказываются в книге Силантьева, но, как писала О. Фрейденберг, «первичные значения, взятые под углом зрения формообразования, показывают, что форма есть особый вид смысла, а смысл – будущие формы и структуры»¹. Происходит переоценка, переформатирование эстетических и художественных ценностей, в результате которой эклога оказывается жанром современного поэтического сознания с неминуемыми для нашего времени внутренней конфликтностью и драматизмом экзистенциального выбора. Он неоднократно формулируется в стихах и становится лейтмотивом книги:

¹ О. М. Фрейденберг. Миф и литература древности. М.: Изд-во «Восточная литература», 1998. С. 106.

«Быть целым — это такая скука / Будто яйцо катать по тарелке», — «Ты против собственной жизни напрочь», — «Тебя в себе осталось не больше, / Чем корочки хлеба, брошенной в пьянке», — «Ты существуешь не в такт сердцу. / Вопреки имени...». Наконец, развернутый манифест в том же духе:

*...Ты можешь назвать себя как угодно —
Несуществующим стуком камня,
Ненастоящим блеском ветра,
Или отсутствующей тенью ночи.
Обманывать больше себя не нужно.
Неважно, семь тебе лет или сорок
Семь. Назови себя ветром, птицей,
Камнем себя назови или гадом.
Или вообще забудь свое имя.
Ты все равно останешься равен
Себе — найдешь ли себя, потеряешь.*

Внутренний конфликт самосознания поэта провоцирует появление впечатляющего морального тезауруса. В стихах около 20 упоминаний о смерти, хотя и здесь автор противоречит себе: *«Какая пошлость говорить о смерти!»*. Впрочем, ни интонация, ни лексический строй моральных высказываний не ассоциируется в текстах Силантьева с пошлостью, с наигрышем, с актерством или хулиганским вызовом, поскольку:

Сорваться можно в любую минуту.

*Для этого не нужно лезть на скалы
Или над пропастью ходить по канату.
Достаточно просто остановиться.*

Слова о смерти – это констатация неумолимого жребия, будущая встреча с которым неминуема, но мы о ней, в отличие от поэта, не помним – знаем, но забываем. «Каждый таит в себе смерть, – писал Жан Кокто, – но верит утешительной выдумке, будто она всего лишь аллегорическая фигура, которая появляется только в последнем акте»: «*Остра как бритва поступь смерти*» – «*В когтях узловатых жизнь бьется / И умирает в чужом полете*».

«Memento mori» – это отнюдь не суицидальные симптомы, а метафизическое восприятие бытия, где полюсные противоположности «смертью друг друга (...) живут, и жизнью друг друга умирают» (Гераклит). В подобном измерении воспринимаются и имманентные состояния лирического субъекта:

*Выискивать себя в пустоте улиц,
Но как это глупо и даже пошло!
Лучше подай объявление в газету,
Что готов поделиться лишней тенью.*

Отсутствие квазипоэтических банальностей – характерная черта словаря Силантьева. Он умеет находить неожиданный порядок слов, и это не трюк, а поиски новых смыслов.

Обретение сути – не только занятие, достойное поэта и человека, но и условие его свободы, его стиля, ибо стиль, как говаривала Цветаева, «есть бытие: не мочь иначе»²:

*Душа из теснины рвется на волю.
Ты только себя найди в этом порядке.
Ты только найди в нем точку смысла.*

Смерть и смысл – два крыла Пегаса, дарующего полет и вдохновение автору, но

Нужных смыслов становится меньше,

и

*Глупо в душе наводить порядок.
Только напутаешь больше чем было.
Правое, левое, мертвое, живое.
Все перемешалось и все некстати.
А еще это странное слово, которым
Сегодня, всегда маята зовется.*

Судя по сюжетам лирического нарратива и стилистике эклог, – да и по факту, – Силантьев совсем не похож на аркадского пастуха. Но в чем же преемственность этих стихов со своими формальными прототипами, коль даже сибирские

² Цветаева Марина. Живу до тошноты. М: Изд-во АСТ, 2016. С. 291.

пейзажи нарушают традиционные жанровые ожидания?

Вьюга петли слепые крутит.

И манит, манит, – метель, смерть ли...?

Впрочем, и Вергилий шел дальше Феокрита, внося в ландшафтно-климатический ареал Аркадии мантуанские краски. Но, конечно, локальные элементы еще не меняют философской сути эклоги. Жанровая оппозиция «otium – negotium» предстает у Силантьева как природа, противопоставленная ежедневной суете будней, которая элиминирует пороговые ощущения таких экзистенциальных ценностей как смерть, любовь, свобода, дом. При этом «природа» берется не в ее первобытном состоянии (*natura naturans*), а в «превращенной», как говорил Маркс, культурным сознанием форме. Это природа, отраженная в многовековом зеркале искусства со всеми его пристрастиями и художественными идеалами, и поведение человека в этом мире не бытовое, а, скорее, ритуальное. А потому *«слово все прощает»*, потому оно *«похоже на бога»*. Перефразируя известного философа К. Свасьяна, утверждающего «чем индивидуальнее, тем идентичнее», можно в створе логики этого высказывания прочесть и интимное признание И. Силантьева: *«Нет никого. Ты один в мире»*. Иначе говоря, *«В лесу становись самым собою. До следующего вдоха, до зимнего леса»*. Но и в этой формуле не все так просто: «Чем глубже зачерпнуть,

тем общее всем и знакомее», – говорил Вяч. Иванов. Общее всем и, скажу, свободнее, потому что на глубине бытия человек предстает, как думали в средние века, *in concreto*, в проекте изначального замысла, потому здесь и зла нет и «жизнь легка» [бытует и другое мнение, ср. – «Тяжесть бытия» (Кокто)].

Вероятно, «итоговые» заключения по поводу эклог Силантьева могут показаться спорными, но это лишь доказывает, что художественный мир автора лишен инженерной линейности. Противоречия – нередко первый симптом глубины художника, поскольку трагическое мирозерцание скорее постигает сложность мира.

Вместе с тем, когда читаешь Силантьева, вспоминаешь утверждение одного парижанина, что поэт не вмещается ни в какие рамки, ни в какие регистры. В каком-то смысле он – беглец без удостоверения личности, без военного билета и, как искренний дебютант, мало озабочен поэтичностью. Точно так садовод не поливает розы духами.

Арам Асоян

Зима

Заячий след несложно петляет,
Ныряет в лог, выводит обратно.
Снег в январе сладок, горек.
А если его заберешь в ладони,
Жар доберется до самого сердца.
В комок сожмет, не сразу отпустит.
И воздух схватит пустое горло.

Железное солнце с прищуром безумца
Рубит тени потухших деревьев.
Но бесполезно, они все длиннее,
Путают, ловят холмы, уклоны.
Вверх забираться на лыжах непросто.
Наст к вечеру стынет и крепнет.
Руки правильнее ног в подъеме.

В ложбине река, и ты, сняв лыжи,
Бредешь в снегу почти по пояс.
К берегу до темноты нужно выйти.
А там еще полтора километра,
И ты на месте. Дачный домик
Смешон, несчастен в белой постели.
Во сне, неотличимом от смерти.

Но бог и хозяин жизни явился!
Затопап по выстуженным половицам.
В хрустящий патрон вкрутил лампу.
Электричество всколыхнуло душу.
Скрипнула створка ржавой буржуйки.
Значит, смерть только приснилась.
Тепло заиграло в древесном теле.

Человек, он сердце всему дому.
Вот закипел на печке чайник,
Вот брякнула на столе посуда,
Вот принесло табачного дыма,
Призывно булькнуло из бутылки.
Человек и дом – в ночи их двое.
Не в раз засыпает печное пламя.

Но тебе не спится. Тихонько, чтобы
Дом не проснулся, ты неодетым
Выходишь на улицу. Вот оно, небо.
Далеки и, наверно, мертвы звезды.
Но прошлый свет на снегу оживает,
Нездешним тебя накрывает покоем.
И это умиротворение невыносимо!

Ты против черного неба навывлет.

Ты против белого снега навзничь.
Ты против собственной жизни напрочь.
И вдруг перестает быть страшно.
Но замерз совсем, насквозь, настолько,
Что рук только дверь открыть хватает,
А ног – забраться в нагретую лежку.

Человек уходит, дом остается.
И остаются невыясненными вопросы.
Как преодолеть эту дерзость рассвета?
Как с утренней голодухи, с похмелья
Выйти к реке, вернуться к дороге?
Как заглушить всегдашнюю жалость
К терпящей холод мелочи живой?

Мыши в зимнем лесу сами страхи.
Здесь невозможно быть самым малым.
Тельце в колком снегу тонет.
Чтобы продвинуться, нужно прыгнуть,
Себя показать хищному миру.
Ночью сове, днем рыжим лисам.
Машет рыжая смерть крылами.

Машет крыльями рыжий ветер.
Лес пригибает дыханием рваным.
Прячется небо, падают тучи.

Комьями снег изнемогает.
Вроде и знаешь дорогу, но все же.
Не видно даже ближних сосен.
Вьюга петли слепые крутит.

А ветер меняет цвет на красный.
Порывы ломают сосновые ветви,
Бросают поперек тропки утлой.
Дочери дерева никнут покорно
И засыпают под нежным покровом.
И манит, манит, – метель, смерть ли, —
Ложись, засни в немоте мерклой.

Бред же какой! Нужно встряхнуться.
Жар это. К жизни влекущая воля.
Воля, что лесу зимой присуща.
Ты это знаешь. Поэтому каждый
Возможный раз ты сюда стремишься.
С жизнью быть трудно. В лесу легче.
Непросто светлеет у ближней опушки.

Светло. Какое это нужное слово!
Ветер унялся, и ты, уставший,
По переметам к дороге выходишь.
А на ум приходят разные смыслы.
Рыжий, красный, ржавый, железный.

Белый, отчаянный, свежий, вольный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.